

ГЛАВА 1

Я знала, что этот вечер не мог закончиться ничем хорошим. Это было одно из тех глубинных, беспокойных знаний, которые иногда называют интуицией или предчувствием. Я нутром чуяла — ничего хорошего не произойдет, и все тут.

Настенные часы — белый циферблат, синий пластик ободка, черные стрелки — отсчитывали последние секунды вечерней смены. Пять минут до конца затянувшегося дежурства. Еще пять минут в клинике.

Мой план был четок и прост: перепроверить оборудование, запереть двери и шкафы с лекарствами, вырубить в здании энергию и отправить сообщение Хель, которая будет открывать клинику утром. Если не возиться, еще успею забежать домой и привести себя хотя бы в относительный порядок. Принять быстрый душ, распустить волосы, подвести глаза, натянуть любимый черный с серебром топ, серьги-кольца в уши... и на станцию. Главное — не опоздать. Скайвей, серебрястыми нитями связывавший центральные районы Абисс-сити с темными перенаселенными окраинами, был единственным, что даже в трущобах работало по расписанию — хоть часы сверяй. Опоздаю — об ужине и свидании можно будет забыть.

Молчаливым напоминанием вспыхнул на запястье синий огонек коммуникатора. Ли Френнель. Инте-

АНАСТАСИЯ ВОЛЖСКАЯ, ВАЛЕРИЯ ЯБЛОНЦЕВА

ресуется, беспокоится, уточняет — как и полагается благовоспитанному манну-лителианину перед первой встречей вне интранета. Но именно сегодня настойчивое мигание индикатора оповещения не радовало, а нервировало, подсознательно ассоциируясь с мерцанием голомонитора, считывавшего показания пульса пациента.

Вспышка, пауза, вспышка.

Пауза...

«Мы его теряем!»

Да к шиссам все!

Не открывая сообщение, я сдернула коммуникатор с руки, зло сунула в карман рабочих брюк и решительно выбросила Ли Френнеля из головы. Ну его... к шиссу... по крайней мере, на ближайший час.

Вдох, выдох... Кажется, это только кажется...

«Маску, маску плотнее прижми, Солана!»

Шиссово предчувствие не ослабляло хватки, подстегнутое призрачными голосами в голове. Неудачный день в семнадцатом районе Абисс-сити — трое за прошедшие сутки умерли на нашем операционном столе. И теперь я никак не могла успокоиться, даже погрузившись в привычную монотонную рутину — пересчитать стопки капсул в шкафу, проверить скальпели в отсеке для дезинфекции, достать из сушилки чистые колбы. Словно от того, в каком состоянии я оставлю клинику, могла зависеть чья-то жизнь.

Живот сводило от внутреннего напряжения, пальцы мелко тряслись. Почти бессознательно я прикоснулась к правому предплечью, где под плотным пластырем выступила набухшая капля блокиратора. Почти полмесяца до новой плановой инъекции — а если не лезть в неприятности и не сходить с ума по

мелочам, можно протянуть и дольше. Как раз хватит времени заработать на новую дозу.

Дорого, как же все дорого!..

Снаружи застучали тяжелые дождевые капли. Несколько минут — и разразится ливень, подарок от метеорологической службы Абисс-сити, стабильно обеспечивавшей над центральными районами мегаполиса хорошую погоду за счет остальных. С губ сорвался едкий смешок. Ли Френнель, небось, уже предвкушает романтическую прогулку под звездами после ужина в дорогом литианском ресторане, а я тут размышляю, как бы добежать до станции скайвея, не вымокнув до нитки.

Накинув водонепроницаемый плащ, я в последний раз окинула взглядом полутемную приемную. Все на месте: три пластиковых стула для ожидающих, стол администратора с привинченными к крышке панелями голомонитора — на случай, если кому-то придет в голову украсть ценную технику, — и искусственное дерево в кадке. Вот и все, что могла позволить себе расположенная на задворках мегаполиса маленькая клиника, большая часть пациентов которой была не в состоянии полностью оплатить лечение, а уж тем более предоставить данные страхового полиса. Две надежно закрытые двери — кабинет дежурного медика и операционная — и еще одна, со сложным кодовым замком — кладовая, где хранилось все ценное оборудование и медикаменты. Нанятый техник нор-р, по слухам работавший с системами безопасности космоверфей, постарался на славу: ни одна из попыток взлома, опробованных закоренелыми наркоманами и любителями поживиться чужим добром, не увенчалась успехом.

Можно уходить.

Щиток энергоснабжения, наружный кабель которого несколько дней назад лишился части изоляции после меткого выстрела, подмигивал в нервном прерывистом ритме в такт хлещущим снаружи струям дождя, периодически выстреливая снопом искр из-под неплотно закрытой крышки. Еще одна вещь в бесконечном списке на распределение скудных финансов. Хоть изоляционной лентой дыру обмотать, что ли? Пациент из нор-ров, которого мы недавно буквально по частям собрали, как раз принес в качестве платы стасенный с верфей моток. Клейкая лента, как говорится, главный друг космомехаников. И медиков, надо признать, тоже.

Натянув плотную прорезиненную перчатку, я набрала на панели, закрывавшей щиток, сложный код и рывком откинула крышку. Проводка нещадно искрила, била по глазам белыми вспышками. Прищурившись, я потянулась к главному рубильнику — нужно наконец обесточить клинику, пока дождь не разошелся в полную силу, а то только пожара нам не хватало. Пальцы сомкнулись вокруг широкой ручки...

Дрожь пронзила тело до самых ступней. И дело было не в электрических разрядах. Их блокировала перчатка. Нет. Что-то дурное, отвратительное, что-то поворотное, разделяющее жизнь на до и после — должно было случиться.

Шиссово предчувствие!

Я крепче стиснула ручку, проклиная нервно-тревожное чувство внутри, которое мешало решительно дернуть рубильник. Если я сделаю это, если отключу питание, все системы клиники перейдут в режим ожидания, а при повторном запуске перезагрузка потре-

бует времени. Немного, но... иногда решают мгновения. Иногда...

«Быстрее, быстрее! Да шевелись же, Солана Диаз!»

Нет. Это будут проблемы Хельми. Это ей нужно завтра прийти пораньше, чтобы подготовиться к приему пациентов и приходу медика. А у меня выходной, свидание и большие планы. Большие, большие планы...

И в этот момент за окном — в нескольких метрах от входа — промелькнула какая-то тень.

Опасность!

Я напряглась, готовая к атаке. Сердце застучало безумно часто — ненормально часто, — и я нервно выдохнула сквозь стиснутые зубы, почти физически ощущая, как бугорок инъекции уменьшился на миллиметр. Несколько дней спокойной жизни спущены в канализацию. Большое спасибо разыгравшемуся воображению от отощавшего кошелька.

Разумом я понимала, что сейчас нужно просто отключить рубильник, активировать сигнализацию и воспользоваться запасным выходом, обходя подозрительную тень по большому кругу. Не стоило искать приключений на свою голову. Не стоило...

Но вместо этого я взяла из ящика администраторского стола фонарик и резко распахнула входную дверь.

Никого.

Порыв ветра швырнул в лицо мелкие дождевые капли. Небольшой козырек над входом в клинику защищал от ливня, но промозглый холод, особенно ощутимый после теплой и сухой приемной, мгновенно пробрал до костей.

На улице было темно. Город всегда экономил на освещении отдаленных районов, а те светильники, ко-

АНАСТАСИЯ ВОЛЖСКАЯ, ВАЛЕРИЯ ЯБЛОНЦЕВА

торые, может, и имели бы хоть какой-то шанс работать ночью, быстро разбирались на запчасти ушлыми нормами или разбивались во время бесконечных стычек между бандами. Только неоновые рекламные вывески на крышах и стенах высоток, недостижимые для выстрелов и приставных лестниц, освещали территории окраин, бросая на все вокруг неестественные ядовито-зеленые, лимонные и едко-розовые отсветы.

— Кто здесь? — перекрывая шум капель, прокричала я. — Покажись!

Тишина.

Я сощурилась, вглядываясь в плотную пелену дождя, но тщетно. Стена ливня скрывала все на расстоянии вытянутой руки. Мерцали кислотными цветами рекламные огни, справа, почти над самым козырьком выхода, потрескивала поврежденная проводка. Далеко, на самой грани видимости, серебряная пуля скайвея расчертила полосой темное небо — точно по расписанию.

Шиссово семя!

— Послушай, умник! — не скрывая раздражения, произнесла я. — Ты знаешь законы. Если нужна экстренная помощь, ты должен пересечь порог. Сам. На своих двоих... или сколько их там у тебя. Да хоть ползком! Иначе я и пальцем не шевельну, чтобы отскрести тебя от асфальта.

Молчание. Шуршание капель по заваленной мусором обочине, треск проводки, отдаленный свист пролетавших вдоль трассы хOVERов. И ничего.

Ни-че-го.

— Что ж, я тебя предупредила. Подыхай.

Не поворачиваясь спиной к темному проулку — инстинкты буквально вопили об опасности, — я де-

монстративно сделала шаг назад. Мельком взглянула на вытнутый прямоугольник двери, за которым ждала привычная тишина, спокойствие и относительная защита — убивать медиков считалось делом недалеко-видным, а потому крайне не рекомендуемым. На глаза случайно попались часы — тонкие стрелки отмеряли десятую лишнюю минуту моей смены.

Прекрасно. Просто отлично.

Я имела полное право вернуться в клинику, закрыть дверь и уйти. Неписанный закон улиц, где правила всегда диктовали противоборствующие банды, с трудом уживавшиеся в тещобах Абисс-сити, был прост: не успел добраться до помощи — твои проблемы.

Его проблемы. Не мои. У меня проблем и без того по горло — аренда, иссякающий блокиратор, свидание это шиссово...

Ну, и почему что-то внутри упорно отказывалось закрывать клинику и дергать этот шиссов рубильник? Зачем я вылезла под дождь с одним лишь жалким фонариком? Чего искала, вглядываясь в сырую темноту?

Проклиная все на свете — предчувствие, паранойю, клинику, дежурство, метеорологов, Ли Френнеля с его настойчивым желанием вытащить меня на свидание именно сегодня — я увеличила мощность фонарика. Узкий луч медленно скользнул вдоль пустынной улицы, но свет едва пробивался сквозь плотную дождевую завесу и мутную пелену пара и пыли, поднимавшихся от дорожного покрытия. Взгляд выхватил из непроницаемого серо-синего мрака неубранную кучу мусора, рукоятку зонта со сломанными спицами и погнутую решетку водостока, куда бесконечными потоками утекала побуревшая от грязи

АНАСТАСИЯ ВОЛЖСКАЯ, ВАЛЕРИЯ ЯБЛОНЦЕВА

вода. Улица казалась совершенно пустой. Если кто-то и был минуту назад у окна клиники, он, скорее всего, давно уже скрылся в одном из многочисленных переулков.

Я заставила себя сделать несколько глубоких вдохов и успокоиться, возвращая разуму контроль над телом и загоняя шиссово предчувствие как можно дальше на самый край сознания. И у меня почти получилось — когда луч фонаря вдруг обрисовал чье-то тело.

От вброшенного в кровь адреналина я буквально подпрыгнула. Каждая клеточка тела завибрировала, призывая бежать, бежать, бежать отсюда как можно скорее. Просто развернуться и постараться забыть об этой случайной находке. Он — кем бы он ни был — не смог доползти до порога.

Более того, я не должна была помогать. Не имела права. Если этот полутруп свалился на мою голову из-за очередной попытки передела власти между бандами шейдеров, я должна была сохранять врачебный нейтралитет. Не позволять симпатиям и антипатиям окрашивать мое решение. Лечить только тех, кто добрался до клиники. Без исключений.

Но что-то все равно толкнуло меня вперед под проливной дождь.

Манн лежал ничком посреди дороги. Мокрые волосы облепили его лицо. Темная плотная куртка, укрепленная металлическими пластинами, со спины показалась целой, но на рукавах я разглядела обугленные подпалины от энергетических выстрелов. Под

телом уже собралась лужа крови, и темные струйки, разбавленные дождем, стекали в водосток под моими ногами.

Лежавший не шевелился. Жив или нет — шисс его разберет. Я наклонилась, откинула спутанные темные пряди и прикоснулась к мощной шее.

Рывок.

Рука незнакомца метнулась ко мне так быстро, что я не успела заметить движения. Миг — и сильные жесткие пальцы сомкнулись вокруг моей лодыжки. Я отшатнулась, пытаясь вывернуться из чужой хватки, но тщетно. Когти манна ощутимо царапнули кожу даже через плотные штаны... и частично трансформировавшаяся конечность безвольно опала.

Когти...

Шиссово семя! Я беззвучно выругалась. Предчувствие не обмануло — это не предвещало ничего хорошего. И угораздило же наткнуться на полутруп вольного шейдера — а именно из вольных шейдеров состояла большая часть банд теневого мира Абисс-сити. Сильные, выносливые, практически неуязвимые, быстрые, жестокие... и мстительные.

Если что-то пойдет не так, меня выследят и...

Шиссова мать!

Нет, с ним определенно не стоило связываться. Каждая клеточка тела буквально кричала об этом. Уходить, нужно было уходить. Убираться отсюда, пока шейдер не очнулся снова, не увидел моего лица, не запомнил моего запаха, а его преследователи не сообразили, в какую именно сторону убежал подстреленный манн. И не обнаружили здесь меня.

Меня — медичку, нарушившую первое правило трущоб Абисс-сити. Ненужного, лишнего свидетеля,

устранить которого не составит труда. Сдавить горло покрепче — и прощай, белый свет.

Угораздило же!

«Да и что с ним случится? — мелькнула в голове трезвая и разумная мысль. — Вольные шейдеры, особенно манны, практически неуязвимы. Раз сразу не сдох, пара минут — и все раны затянутся, словно их и не было. Так какого шисса я торчу здесь идеальной мишенью для любого косорукого стрелка, если этому недобитому трупку вовсе не нужна моя помощь?»

Обмякшая когтистая лапа шейдера лежала в собравшейся вокруг манна буроватого цвета луже. Я пригляделась к воде, смешанной с кровью, перевела взгляд на тело, пытаюсь увидеть следы запустившейся регенерации, но после рывка к моей лодыжке манн оставался неподвижен.

С пугающей ясностью я осознала, что без медицинской помощи и стимулятора шейдер, скорее всего, умрет в ближайшие полчаса. Умрет, оставив в памяти новую зарубку — тот, кого я могла бы спасти, если бы не побоялась нарушить правила.

«Сола, спрячься и не вылезай, пока все не закончится».

Нет уж!..

— Выпусти шейда, ну же, — яростно прошипела я, а руки уже потянулись к плечу незнакомца, чтобы перевернуть его на спину. — Регенерируй, шиссово ты отродье! Вот еще, ресурсы на тебя переводить!

Бессознательный шейдер оказался ужасно тяжелым. Пришлось напрячь все силы, чтобы перевернуть его. Защитная куртка распахнулась, открывая взгляду мощную грудь, едва прикрытую чем-то, что раньше, наверное, было черной футболкой. Сейчас она

больше походила на результат ускоренного пищеварения шисса — липкое месиво из рваных кусков ткани, пропитанных кровью.

Подсвечивая фонариком, я бегло осмотрела шейдера. Часть лоскутов бывшей футболки прилипла к кровоточащим ранам с черными подпаленными краями — среднекалиберная плазменная винтовка. В нескольких местах на коже отчетливо проступили синие капилляры — следы от энергетических зарядов. Сквозное отверстие на бедре — пуля прошла навывлет — и еще одно у ребер. Но, кажется, рана неглубокая — в неровном свете фонарика можно было разглядеть металлический блеск. Шейдеру повезло, что нападавшие обошлись без разрывных патронов и гранат.

Часть ран была окружена кольцами темных пластин-чешуек — первый признак начавшегося оборота. Ощупывая тело манна, я заметила несколько чешуйчатых наростов, закрывших повреждения. Но вот остальные... Казалось, в какой-то момент шейдер на чисто лишился способности к регенерации, перестал чувствовать своего шейда.

Это было плохо, очень плохо.

Чувство самосохранения гнало меня прочь от неправильного не регенерирующего шейдера и его гипотетических преследователей. Голос в голове кричал, что нужно просто бросить манна здесь и уйти, уйти, пока не стало слишком поздно. И пусть утренний патруль разбирается с очередным трупом. Меня ждал Ли Френнель — коммуникатор, наверное, уже разрывался от сообщений, — и Ли Френнель непременно будет волноваться, если я не приду. До следующего скайвея оставалось меньше часа, а еще душ, переодеться, привести себя в порядок... И вообще, манн с такими ра-